

Анна КНЯЗЕВА

Пленники
старой Москвы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

Редактор серии *А. Антонова*
Серийное оформление *С. Курбатова*

Князева, Анна.

К54 Пленники старой Москвы : [роман] / Анна Князева. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248038-6

Эта квартира понравилась Катерине с первого взгляда. Большие комнаты, высокие потолки с лепниной, вид из окна в тихий двор... Настоящая старина — дом купца Щетникова был построен сто пятьдесят лет назад. После войны здесь располагались огромные коммуналки, но их давно расселили, и теперь это элитное жилье. Уговорив мужа сразу оформить сделку, Катерина с энтузиазмом занялась ремонтом. Но вскоре произошло невероятное — во время работы погибло сразу трое рабочих! Ни аварии, ни несчастного случая, просто сердечный приступ — у всех троих одновременно. Катерина не могла поверить в такое совпадение! С помощью бабушки-соседки она погрузилась в давнюю историю странной квартиры. И вскоре поняла: рабочие погибли вовсе не случайно, а ее саму ждет еще немало неприятных открытий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248038-6

© Князева А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

В дверь постучали. Одновременно с этим в квартире снизу раздался грохот, как будто упало что-то тяжелое. Лежавший на диване старик вскочил, подбежал к двери и, прижавшись к ней ухом, грозно спросил:

— Фамилия?!

Из-за двери послышался голос:

— Рябинин Яков Иванович, ваш участковый.

— Наш участковый — Карамышев! — крикнул старик, уверенный в том, что разоблачил злоумышленника.

— Его перевели, — сообщил строгий голос. — Теперь я ваш участковый. Мне нужен Зоткин Антон Максимович.

Старик спросил дрогнувшим голосом:

— Зачем?

— Заявление на соседей писали?

— Писал! — Зоткин молниеносно открыл дверь.

В прихожую шагнул грузный немолодой офицер в звании лейтенанта полиции. Старик включил свет. Участковый раскрыл папку и вытащил из нее листок, исписанный убористым почерком.

- Ваше творчество?
- Насмешки строите? — ошетинился Зоткин.
- Реагирую на поступивший сигнал. — Участковый вернул документ в папку, после чего сунул ее под мышку, снял фуражку и вытер платком лоб. — Жара...
- Долго же вы собирались, — заметил старик.
- Я на вашем участке — только второй день. — Рябинин безрадостно улыбнулся. — Думаете, вы один жалобы пишете?
- Я свою жалобу написал третьего дня. Если бы вы отреагировали раньше, мы бы смогли пресечь.
- Пресечь что? — не понял Яков Иванович.
- Разгром помещений.
- Граждане производят ремонт в собственной квартире. Что именно вы хотите пресечь?
- Зоткин ринулся к стене и ткнул пальцем в замшелую трещину.
- Вот!
- Намекаете на незаконную перепланировку?
- Именно! От их ремонта весь дом превратился в руины.
- Не нужно утрировать. Ваш дом сто пятьдесят лет простоял и еще столько же простоит. — Участковый надел фуражку и вышел на лестничную площадку. — Идемте!
- Куда? — спросил Зоткин.
- К вашим соседям.
- Зачем?

— Будем проверять законность производимых работ. Судя по скорости, с которой Зоткин выскочил из квартиры, фраза ему очень понравилась.

Они спустились на второй этаж и подошли к старинной крашеной двери.

Прислушавшись, участковый сказал:

— Тихо...

— Только что грохотали.

Рябинин вежливо постучал. Выждав минуту, он отступился.

— Нет никого.

— Говорю вам: десять минут назад там грохотали. Днем, покуда работают, здесь не заперто... — Зоткин толкнул дверь, и она распахнулась.

В коридоре, как и во всей квартире, по-прежнему было тихо.

— Есть кто-нибудь?! — крикнул Рябинин, но ему никто не ответил.

Предупреждая неизбежный вопрос, старик поспешил сообщить:

— Рабочие никуда не уходят, обедают здесь.

Потоптавшись, участковый двинулся в глубь квартиры. Зоткин — за ним. Каждый их шаг сопровождался хрустом спрессованной пыли и ремонтного мусора.

Рябинин зло проворчал:

— Стены на месте. Следов перепланировки не вижу.

— Ломают. — Старик семенил рядом. — Я слышал — точно ломают.

Наконец они дошли до открытой двери, из которой, искрясь в солнечном свете, летела невесомая пыль.

Рябинин прошел дальше по коридору, а Зоткин сунулся в комнату.

— Идите сюда!

Рябинин обернулся:

— Что там?

— Идите, я вам говорю!

Участковый вбежал в комнату, едва не сбив с ног старика.

Паркетные полы в помещении были взломаны и свалены в дальнем углу. В провалах между лагами на почерневшей трухе лежали тела трех мужчин в запыленных спецовках. Голова одного была в крови. Двое других скрючились в неестественных позах.

— Как же так?.. — Старик прошел между лагами и схватился за сердце. — Я слышал... Они только что здесь работали.

Яков Иванович зашагал по упругим залежам мусора. Под ботинком хрустело стекло. Осмотрев тела, он достал телефон:

— Дежурный? Участковый Рябинин. Срочно присылайте наряд. Здесь — три трупа. — Назвав адрес, он посмотрел на Зоткина, распахнул настежь окно и сказал в трубку: — «Скорую» вызови.

ГЛАВА 1

ДВУМЯ НЕДЕЛЯМИ РАНЬШЕ

Красивая рыжеволосая женщина свернула с улицы и вошла через приземистую арку в замкнутый двор. Повела взглядом по окнам и остановила его на подъездной двери, возле которой стоял человек в строгом костюме.

Склонив голову, он категорично спросил:

— Катерина Ильинична?

— Здравствуйте. — Женщина протянула руку.

Ответив рукопожатием, он молча взглянул на часы.

— Простите за опоздание, — извинилась она. — Я не знаю Москвы.

— Ну, что ж... Пойдемте? — Мужчина открыл дверь, впустил ее в подъезд и тоже вошел.

У лестницы она обернулась:

— Этаж второй?

— Второй. Если вы успели заметить, всего этажей — три. Здание построено в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году купцом Щетниковым. На первом этаже располагалась

антикварная лавка. Семья жила наверху. После его смерти дом купила вдова статского советника Никуличева, чтобы сдавать его внаем. С тех пор он стал многоквартирным жилым домом. В советские времена на всех этажах были огромные коммуналки. — Поднимаясь за ней по лестнице, он спросил: — Насколько я понял, вы не москвичка?

— Я из Новосибирска.

— Решили поменять место жительства?

— Муж получил должность, пришлось переехать.

— Уверен, квартира вам подойдет. В комнатах с окнами во двор можно устроить спальню и детские.

— У нас нет детей.

Риелтор оглядел ее, словно оценивая, после чего удовлетворенно заметил:

— У вас еще все впереди.

«Эх, милый... — подумала Катерина. — Знал бы ты, сколько мне лет...»

Он остановился у двери, окрашенной коричневой краской, сунул ключ в скважину и энергично его провернул.

— Прощу вас...

Катерина зашла в коридор. В лицо пахло запахом слежавшейся пыли.

— Квартира много лет пустовала, — заметил риелтор.

— Почему? — спросила она.

— Этого я не знаю. — Он щелкнул выключателем.

Под потолком вспыхнула «лампочка Ильича».

— Лаконично, — Катерина усмехнулась и вошла в первую комнату, окна которой выходили на улицу.

— Шумновато... — заволновался риелтор. — Что поделать, центр города. Таких комнат только две. Окна остальных выходят во двор.

— Сколько их всего? — вернувшись в коридор, она двинулась дальше.

— Комнат? Шесть. Но раньше было девять.

— Куда делись остальные?

— В начале пятидесятых из одной квартиры сделали две.

Когда Катерина зашла в кухню, у нее вырвалось:

— Ого!

Риелтор с довольным видом оглядел просторное помещение.

— Говорю вам: квартира очень быстро уйдет.

Пропустив мимо ушей его замечание, она поочередно подошла к каждому из трех окон. Риелтор счел своим долгом ее сориентировать:

— Два на улицу, одно смотрит во двор.

— Вижу.

— Такую кухню встретишь нечасто.

— Сколько в ней метров?

— Около тридцати. — Он расстегнул портфель. — Сейчас уточню...

— Не трудитесь, — остановила его Катерина. — Метром больше, метром меньше — для меня несущественно.

— А что существенно?

Она стояла на месте, оглядывая окна, стены и дверь.

— Ощущения.

— Что вы имеете в виду?

— Смогу ли я жить в этих стенах.

Риелтор обходительно улыбнулся:

— Знаете, десять из десяти покупателей говорят о цене. И только потом — о своих ощущениях.

Катерина прошла в комнату, окна которой выходили во двор.

— О цене будете говорить с моим мужем... — Она вдруг замолчала и осведомилась, глядя на дверь: — Как думаете, зачем здесь замок?

— Где? — прищурившись, риелтор склонился. — Ах, это! Здесь же коммуналка была.

— Но скважина только со стороны коридора.

— Возможно, в советские времена люди больше доверяли друг другу и запирали комнаты лишь тогда, когда уходили. — Сочтя предположение утопическим, он рассмеялся. — Глупость, конечно... Мы остановились на том, что о цене я должен говорить с вашим мужем.

— В том случае, если мне подойдет эта квартира. — Катерина открыла оконную раму и, перегнувшись через подоконник, оглядела замкнутый двор.

На слепой, без окон, противоположной стене был нарисован кот. Под ним, на бугристом асфальте, чирикая, прыгали воробьи. Издалека долетел плач грудного ребенка. Катерина закрыла окно. Ей вдруг показалось, что все это она уже видела.

— Ни одного деревца...

— Как я понимаю, квартира вам не подходит... — огорчился риелтор.

— Этого я не сказала.

— Вы забыли посмотреть санузлы.

— В них есть что-то особенное?

— Они раздельные.

— Это не новость.

— В конце коридора есть кладовая.

— Очень хорошо. — Закончив обход, Катерина вернулась к входной двери и задержалась там, словно прощаясь.

— Значит, квартира вам не понравилась... — Риелтор тронул дверную ручку.

— Я ее покупаю. — Катерина протянула визитную карточку. — Здесь телефон мужа. Завтра после одиннадцати позвоните ему.

ГЛАВА 2

ВСЕ О ЧЕТЕ ТРУБНИКОВЫХ

Герман Андреевич Трубников возвратился в гостиничный номер в шесть часов вечера. Он разделся, повесил костюм в шифоньер, сорочку и белье положил в пакет для отправки в прачечную. Потом зашел в ванную, где принял горячий душ и побрился.

К семи часам он был одет в новый костюм и уже ходил по комнатам люкса, поглядывая на дорогие часы, ко-

торые тоже сменил. На работу Трубников носил другие, немного дешевле.

Высокий, плотный, темноволосый, он выглядел старше своих сорока пяти, что нисколько его не беспокоило. Выплаженный костюм, чистая сорочка, хорошие галстук и часы — все, что было нужно для работы, а значит, для жизни. Ну, может быть, еще дорогие ботинки. Когда переезжали в Москву, помимо шести костюмов, которые упаковала жена, он взял с собой десять коробок с обувью. Катерина мирилась с этим его пунктиком, как и с другими, не столь безобидными.

Легкое жужжание, щелчок — сработал электронный замок. Хлопнула дверь.

— Кать, это ты? — Он закинул голову и так замер в кресле, ожидая ответа жены.

— Я, — в комнату вошла Катерина. — Что случилось?

— Ничего.

— Почему так рано вернулся? — Она сняла туфли и прошла в спальню.

— Нас пригласили на ужин.

— А я смотрю, куда-то собрался...

Герман встал с кресла, взял пиджак, который висел на спинке, и накинул его на плечо.

— Жду тебя внизу, возле бара. На сборы — тридцать минут.

— Кто пригласил?

— Балашов.

Полураздетая Катерина высунулась из дверного проема:

- Президент компании? Нужно предупреждать...
- Я сам узнал только сегодня.
- По крайней мере, мог позвонить.
- Звонил.
- Тогда почему я не слышала?
- Потому что у тебя отключен телефон.
- Черт... — Катерина недовольно поморщилась. —

Опять разрядился.

- Все просто — перед сном ставь его на зарядку.
- Сегодня поставлю. — Она скрылась в спальне и уже оттуда сказала: — Буду готова через тридцать минут.
- Я — в баре, — напомнил Герман Андреевич и вышел из номера.

Через полчаса они встретились в лобби. Трубников бросил купюру на барную стойку и отставил недопитый стакан с виски. Взяв Катерину под руку, тихо заметил:

- Красивое платье, надевай его чаще... — Это был единственный комплимент, который он знал.

Они вышли через стеклянную дверь на пяточок перед отелем. Там их ждал служебный автомобиль. Трубников сам открыл заднюю дверцу, подождал, пока жена подберет подол длинного платья, и сел рядом с ней.

- В ресторан «Мартини». У нас двадцать минут.
- Успеет, Герман Андреевич, — водитель тронулся с места.

Машина пересекла неширокую улочку и вырвалась на простор Садового кольца.

— У меня есть одна просьба... — Герман заговорил тише, так, чтобы его могла слышать только жена.

— Слушаю, — ответила Катерина.

— Балашов будет с женой..

— Нетрудно догадаться.

— Должен заметить, дама не совсем в адеквате.

— В чем это выражается?

— Точно не знаю. Так говорят.

— Кто говорит?

— Многие. Например, второй вице-президент, наш хороший знакомый.

— Картавин? — Она заинтересованно придвинулась к мужу. — И как он пережил твое назначение?

— Смирился. — Герман Андреевич в задумчивости потянул себя за нос. — Целая неделя прошла. Смирился...

Катерина взяла его руку и отвела в сторону.

— Глупая привычка, — сказала она мягким, рекомендующим тоном. — Ты — первый вице-президент крупной компании. Выглядит несолидно.

— У меня к тебе просьба...

— Я уже поняла. Какая?

— Тебе нужно с ней подружиться.

— С Балашовой?

— Ее зовут Люсьена Сапега. Балашов зовет ее Люсей.

— Все это рассказал твой заместитель?

— Картавин — второй вице-президент.

— По сути, он твой заместитель. — Катерина неодобрительно усмехнулась.

— Тебе нужно завести с Люсьеной добрые отношения. Она машинально поправила платье и спокойно взглянула на мужа.

— Это поможет тебе в работе?

— Без сомнения. — Герман Андреевич тронул себя за нос, но тут же отдернул руку.

— Тогда мы станем подругами.

Пару минут они ехали молча. Определив нужный момент, Катерина сказала:

— У меня тоже есть одна просьба.

— Говори.

— Сегодня я смотрела квартиру...

— Из того списка, что дал Балашов?

— Разумеется.

— И как?

— Она мне понравилась.

— Хочешь ее купить?

— Да. Я точно решила.

— Ну, что ж... — Герман взглянул на часы, потом в окно. — Надеюсь, ты не слишком торопишься.

— Изю всех, что я посмотрела, эта самая лучшая. Завтра после одиннадцати тебе позвонит риелтор.

— Хорошо. Завтра же отправлю к нему юриста.

Катерина тронула мужа за руку.

— Попроси оформить как можно быстрее.

— Это имеет смысл? — Трубников удивился.

— Хочу заняться ремонтом.

— Просто найми архитектора.

— Попробую все сделать сама.

Герман удивленно на нее посмотрел:

— Зачем? Впрочем, как знаешь.

— В этой квартире у нас начнется новая жизнь, — Катерина произнесла эту фразу с какой-то особенной внутренней убежденностью.

Трубников опять взглянул на жену и сдержанно хлопал ее по коленке.

— Герман Андреевич, ресторан «Мартини». Доехали за двадцать минут. — Водитель вышел из машины, обогнул ее и открыл заднюю дверцу.

Метрдотель повел чету Трубниковых к столику, за которым сидели двое: мужчина подростковой комплекции и миниатюрная женщина с веснушчатым лицом и злыми глазками-пуговками. Рядом стоял официант и еще один служащий, судя по темному костюму — администратор.

Катерина задержалась в нескольких шагах от стола. Герман удивленно взглянул на нее и тоже остановился.

— Мой муж битый час кланчил меню! — громко сказала женщина.

Ее напор был сокрушительным.

— Прошу прощения, — ответил молодой официант. — Вы пришли четыре минуты назад, и я немедленно принес вам меню.

— Не смей мне хамить! — Она схватила вилку и запустила ею в официанта. — Мы полчаса топтались у входа, дожидаясь, пока нас заметят!

Увернувшись, официант поднял вилку и опустил ее в карман своего фартука.

— Мы все исправим, Люсьена Степановна, — пообещал мужчина в темном костюме. Было видно, что подобную сцену, как и ее исполнительницу, он наблюдал не впервые.

— В последний раз мы с Пашей пришли в этот гадюшник! Закрыть вас к чертовой матери, если не умеете обслуживать приличных людей!

— Что еще, Люсьена Степановна?

— Да это заговор какой-то! — со слезой в голосе крикнула она и тут же зло прошипела: — Вон отсюда пошли!

Ее муж между тем углубленно изучал перечень блюд. Подняв на мгновение глаза и заметив Трубниковых, он отложил меню, встал и протянул руку Герману. Тот пожал ее и представил свою жену:

— Катерина.

— Павел Петрович, — Балашов приветливо улыбнулся

Катерина с любопытством перевела взгляд на его супругу. Та смотрела перед собой оловянными, ничего не выражающими глазами.

Все замолчали. У Катерины не было ни одной идеи для того, чтобы выйти из неловкого положения. Такая идея появилась у самой Люсьены Сапег. Выдержав паузу, которая, по ее мнению, умерила нанесенное оскорбление, она сморщила в улыбке рыжее, веснушчатое лицо.

— Присаживайтесь, мы вас давно поджидаем. Паша не выдержал и велел принести меню. Так что не *обессуйте*, вы сами во всем виноваты.

Катерина и Герман разом переглянулись, потом, одновременно потупились, «осознавая» свою вину. После этого они сели за стол.

— Моя жена Люся. — Балашов запоздало представил супругу.

Она уточнила:

— Люсьена.

Трубниковы поочередно сказали:

— Герман Андреевич...

— Катерина.

— Делаем заказ? — взыскательно спросила Сапега.

Все поспешили с ней согласиться.

К столу мгновенно подошел официант. Не успев изучить меню, Трубниковы сделали заказ, следуя только его рекомендациям.

Павел Петрович дотошно выпросил официанта о степени диетичности выбранных блюд, несколько раз менял предпочтения и наконец заказал отварной картофель, посыпанный зеленью.

Люсьена спустила с бедного парня семь шкур. Ни одно из выбранных блюд не соответствовало ее изощренному вкусу. Когда Сапега определилась с заказом, официант быстро сбежал на кухню.

Метнув на мужа сердитый взгляд, Люсьена заметила:

— Ты выбрал эту помойку...

Балашов бросил на стол меню.

— Какая разница? Ресторан как ресторан.

— В субботу мы с Германом были в «Трабанте». — Тактично вступила в разговор Катерина. — У них превосходная кухня.

— О чем вы говорите?! — возмутилась Сапега.

— Что такое? — Катерина не поняла.

Люсьена продолжила:

— Это не ресторан, это мой самый страшный сон! Персонал — сборище подзаборников. Нам с Пашей подали помои, и я запретила ему оплачивать счет.

Трубников устался в пустую тарелку, не зная как реагировать. К счастью, Балашов заговорил с ним о работе, и они стали беседовать, перескакивая с одного на другое.

Катерина поняла, что весь груз общения с Сапегой пал на нее, но не могла избавиться от возникшей неловкости.

Официант принес спиртное, хлеб и закуски, расставил тарелки, открыл бутылку вина и разлил его по бокалам. Но как только стал уходить, Люсьена задержала его:

— Минуту! — Она указала пальцем на тарелку и спросила: — Что это?

— Овощной салат «Примавера». Вы его заказали. — Молодой человек побледнел от нестерпимого напряжения.

— Вас не учили ставить тарелки?

Официант побледнел еще больше и, казалось, не понимал, о чем идет речь.

Люсьена Сапега продолжила:

— Тарелка должна стоять строго посередине, напротив меня.

— Она так и стоит.

— Тарелка отклонилась влево на пять сантиметров.

Переставьте.

Официант переставил.

Сапега сказала:

— Со счетом принесите номер телефона хозяина.

Я позабочусь, чтобы вас отсюда уволили.

Балашов поднял свой бокал.

— Предлагаю выпить за наше знакомство. — Чокнувшись поочередно со всеми и проследив за тем, как остальные пьют вино, сам едва пригубил.

Мужчины снова заговорили о работе. Катерина попыталась объединить общение, но по тому, как старательно они уклонились, поняла: никто, кроме нее, не собирался общаться с Сапегой.

Люсьена спросила:

— У вас есть дети?

Катерина вскинула голову, как от удара хлыстом.

— Почему вы об этом спросили?

— Потому что знаю.

— Знаете что?

— Все.

— Я не понимаю.

— Никаких детей у вас нет. — Люсьена сморщила приплюснутый носик. — Не злитесь. Я тоже бездетная, к тому же постарше вас. Мне вообще рассчитывать не на что. Кстати, сколько вам лет?

Взглянув с отчуждением, Катерина сухо ответила: